РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIX-й. МАРТЪ. 1898 годъ.

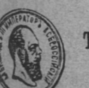
СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1898 г.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

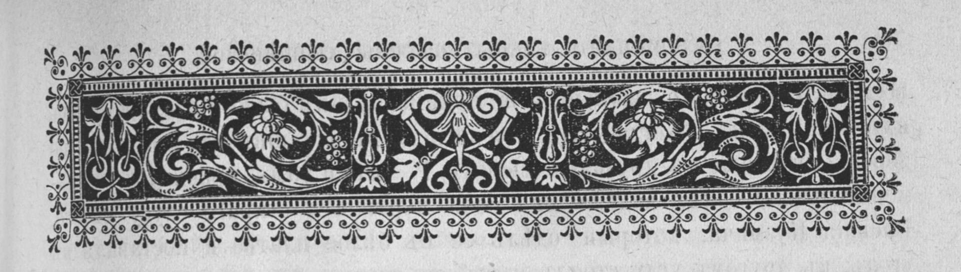

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1898.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1898 г.

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

XII [1]).

Мое первое горе.—Отъѣздъ отца за границу.—Жизнь его въ Лондонѣ.— Концерты и неудачи.—Наши друзья и столичные гости.

Въ 1859 году, когда отецъ жилъ въ Козловѣ, а мать была съ нами въ Огаревѣ, онъ просилъ привезти насъ къ нему. Не знаю, почему мать сама не поѣхала, а послала насъ съ братомъ и няней. Ѣхала я съ чувствомъ и радости, и страха и, не сознавая почему, мнѣ было такъ жаль мать и отца, часто напѣвала:

«Въ хижину бѣдную, Богомъ хранимую,
Скоро-ль опять возвращусь?
Скоро ли мать расцѣлую любимую—
Съ добрымъ отцомъ обнимусь?..»

И при послѣднемъ стихѣ я украдкой вытирала слезы, чтобы няня съ сестрами не замѣтили ихъ. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда пріѣхала и мама, вызванная отцомъ. Она была печальна, разстроена, и мнѣ показалась постарѣвшей; одѣта была просто и не снимала съ головы бѣленькій, старушечій чепчикъ. Отецъ былъ также грустный, мрачный и часто слезы навертывались у него, въ особенности когда онъ ласкалъ насъ.

Братъ мой былъ какой-то сконфуженный и такъ же не такой, какъ

---

[1]) См. «Русск. Стар.», 1897 г., № 9, сентябрь, стр. 593.

всегда. Что все это значило, я не понимала; мнѣ было 9 лѣтъ, но всѣхъ ихъ было жаль... Когда мать моя ѣхала въ Козловъ къ отцу, она по дорогѣ заѣзжала къ друзьямъ своимъ Р—мъ, и тамъ приснился ей знаменательный сонъ: видѣла она себя мертвой и стараго слугу своего, Василія Кузмича, который одѣлъ ее въ бѣлое платье и поставилъ въ уголъ; въ другомъ углу стоялъ мужъ ея грустный, а около него стояла наша сосѣдка дѣвица К., смѣющаяся и указывавшая на ея трупъ пальцемъ и говорила: «умерла!» Впослѣдствіи я узнала, что мать, пріѣхавъ въ Козловъ, должна была выдержать тяжкія сцены: отецъ просилъ дать ему разводъ. Но она на-отрѣзъ отказала, сказавъ, что ни передъ Богомъ, ни передъ дѣтьми, ни передъ совѣстью она этого не сдѣлаетъ—и развода никогда не дастъ. Мы съ матерью уѣхали обратно въ Огарево, разставшись надолго съ отцомъ... Вскорѣ и онъ покинулъ Козловъ, уѣхавъ за границу, куда послѣдовала за нимъ та, которую мать моя видѣла во снѣ, указывающую на нее, говоря: «умерла»; сонъ былъ въ руку—все кончилось...

Для меня это было первое, настоящее горе. Хотя отецъ и не жилъ съ нами—разлука съ нимъ не представлялась мнѣ такой ужасной какъ тогда, когда узнала я, что онъ покинулъ родину на неопредѣленное время. Я всегда была съ нимъ въ перепискѣ, а тутъ стала писать чаще и, получая его отвѣты, заливалась горючими слезами.

Будучи подъ присмотромъ полиціи и не имѣя права выѣзжать изъ Тамбовской губерніи, отецъ придумалъ слѣдующій способъ, чтобы уѣхать тайно за границу. Онъ затѣялъ строить ледяную гору отъ своего дома по базарной площади и дальше для забавы народа и своей, какъ увѣрилъ онъ, и, собираясь однажды въ Тамбовъ къ губернатору, просилъ городничаго послѣдить за горой и, когда будетъ готова, сообщить ему объ этомъ въ Тамбовъ. Сдѣлавъ такое распоряженіе, онъ уѣхалъ. У городничаго гора была готова и онъ телеграфировалъ отцу моему, прося его пріѣхать. Получивъ эту телеграмму, отецъ отвѣтилъ: «Городите гору выше, хочу прокатиться дальше». А самъ въ ту же ночь, послѣ ужина у губернатора, уѣхалъ за границу! Бѣдный городничій былъ обманутъ, но за то народъ очень былъ доволенъ и катался, вспоминая и благодаря князя, что оставилъ по себѣ такую веселую память. Въ Козловѣ и теперь вспоминаютъ объ этой горѣ.

Изъ Перекопа отецъ отправилъ князю Василію Андреевичу Долгорукову, который былъ тогда шефомъ жандармовъ, слѣдующую телеграмму: «Благодаря исправности вашей тайной полиціи я благополучно достигъ границы». Мать моя въ то время находилась въ Петербургѣ, и князь Долгоруковъ, показывая ей эту телеграмму, съ ужасомъ сказалъ:

— Посмотрите, что продѣлываетъ Юрка! Вѣдь онъ меня срамитъ на всю Европу!

А бѣдная моя дорогая мать, вернувшись въ Огарево съ новымъ горемъ, имѣла очень непріятное объясненіе съ чиновникомъ особыхъ порученій пензенскаго губернатора Н. А. Мясоѣдовымъ, который былъ присланъ къ ней по просьбѣ тамбовскаго губернатора. Къ счастью, онъ былъ человѣкъ почтенный и деликатный, и въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ объяснилъ матери моей причину своего пріѣзда. Ея обвиняли въ томъ, что она помогла мужу уѣхать, чтобы остаться опекуншей надъ его состояніемъ и прислали чиновника для разслѣдованія.

Покинувъ родину тайкомъ, отецъ не имѣлъ уже права вернуться и очутился въ бѣдственномъ положеніи на чужбинѣ.

«Здѣсь, писалъ онъ 14-го (26-го) мая 1860 г. изъ Лондона, жизнь скромная, умѣренная, чрезвычайно дорога, а роскошная жизнь — разореніе. Конечно, я пріѣхалъ сюда не жуировать, а работать, и Англія такая страна, что деньги заработывать съ талантомъ не трудно, ибо здѣсь за концертный билетъ цѣна 5, 6 и 7 руб. сер. Плохой учитель музыки или пѣнія получаетъ 3 руб.; извѣстное имя—отъ 6-ти и до 8-ми руб. на дому; такъ что я могу въ день, сидя дома, давать по три и по четыре урока (т. е. на 20 руб. сер.). За статьи музыкальныя, сочиненія и переводы также получаютъ хорошую плату. Но вся здѣсь штука въ одномъ: не обнаруживать свои средства! Дома сиди хоть голый и питайся однимъ картофелемъ, а квартира должна быть, для успѣха въ будущемъ, въ аристократическомъ кварталѣ, домъ прилично меблированъ (чтобы давать на дому уроки), ибо, по понятіямъ англичанъ, учитель, дающій уроки не у себя,—дуракъ, прощалыга, и если онъ не богатъ, нѣтъ ему довѣрія, нѣтъ ему и цѣны и нѣтъ, говорятъ, у него и таланта. Здѣсь такъ бываетъ!.. Переводчикъ Библіи Кошневъ — прекрасный молодой человѣкъ, пріѣхавъ въ Лондонъ, два года бѣдствовалъ потому только, что онъ на первое время не умѣлъ себя самостоятельно поставить, а люди-спекуляторы забрали его такъ въ руки, что его трудами наживали большія деньги, а онъ едва имѣлъ насущный хлѣбъ. Такъ и со мной хотятъ поступить! Англичане народъ практичный, пронырливый и предпріимчивый. Они уже предлагали меня купить на двѣнадцать лѣтъ, но дѣло въ томъ, что я получать буду едва-едва на содержаніе, а впереди у меня все-таки имени нѣтъ и, продавъ себя такимъ образомъ, я долженъ буду по ихъ назначенію пѣть, дирижировать, уроки давать, сочинять, переводить, писать статьи, описать мою жизнь,—словомъ, отдать себя, за исключеніемъ тѣлеснаго наказанія, въ крѣпостное состояніе! И что же въ будущемъ? На сорокъ девятомъ году ce trouver en face de rien!.. [1]). А я долженъ думать о будущемъ... Мой талантъ съ каждымъ годомъ усиливается и, отдавъ себя въ куплю, я загублю

[1]) Остаться не при чемъ!..

весь музыкальный капиталъ, убью свой талантъ и потеряю нравственную силу, меня поддерживающую! Ты, К—въ, меня бы здѣсь не узналъ: въ шесть съ половиной часовъ я уже одѣтый сижу въ кабинетѣ за работой, въ восемь часовъ пьемъ чай за русскимъ самоваромъ, а въ девять я опять за работой до двѣнадцати; въ это время мы завтракаемъ, въ часъ я отправляюсь въ Citiz по дѣламъ, возвращаюсь въ шестомъ часу; въ шесть обѣдаемъ, въ семь гуляемъ въ нашемъ саду, въ девять чай пьемъ, а въ десять опять за работу до двѣнадцати. Пища наша обыкновенная или даже ниже обыкновенной; супъ всегда отвратительный, потому что говядина стоитъ 1 р. 20 к. фунтъ, кусокъ рыбы, кусокъ говядины, вода, и то теплая: ледъ такъ дорогъ, что о немъ думать не должно. На завтракъ подаютъ, если осталось, холодную говядину или баранину, кусокъ сыру, редиску и иногда яйца; яйца здѣсь три и иногда четыре копѣйки серебромъ штука. Зато отдуваемся чаемъ; чай здѣсь—1 р. 50 к. фунтъ, а сахаръ 17 к. Я позволяю себѣ только одну роскошь—утромъ нѣсколько ложечекъ сливокъ (на 20 к.), молоко здѣсь недорогое, но оно напоминаетъ вкусомъ и цвѣтомъ Черное море. Здѣсь все такъ дорого, что, несмотря на то, что я принимаю каждый день провизію на своихъ вѣсахъ и что въ день хожу раза четыре на кухню, у меня выходитъ 7 рублей. Подумай, во что мнѣ обойдется годъ! Въ особенности теперь намъ все стоитъ вдвое, ибо, не зная языка и имѣя дѣло съ такимъ народомъ, у котораго честный человѣкъ считается дуракомъ — кричи «караулъ!» Это не мои слова и убѣжденія, это голосъ всѣхъ иностранцевъ, здѣсь проживающихъ. Они, т. е. англичане, какъ мусульмане, гордятся тѣмъ, кто чище обдеретъ иностранца. Правосудіе здѣсь напоминаетъ нашу Россію: бѣдный человѣкъ не въ состояніи вести процессъ. Я теперь пишу брошюру «Салтыково-Голицынская капелла», а потомъ буду описывать причину моего выѣзда изъ Россіи, а потомъ уже примусь за Англію. Стелловскій можетъ получить отъ меня эти статьи объ Англіи для своего журнала,—я возьму не менѣе и не болѣе другихъ. Вотъ, мой другъ, здѣсь всегда такъ. Силенъ тотъ, кто не голоденъ. 15 мѣсяцевъ я не долженъ нуждаться въ средствахъ, а то меня запрягутъ въ тягловой хомутъ и все будущее пропало. Если я здѣсь себѣ составлю имя, тогда я вызову изъ Россіи хоръ басовъ и теноровъ и навѣрное полмилліона заработаю, но до того нужно дожить и прожить. Конечно, я и теперь надѣюсь что-нибудь заработать, но увы, время концертовъ проходитъ. Нотъ нѣтъ, денегъ также. При такой обстановкѣ петля гораздо ближе виситъ, чѣмъ надежда на будущее. У Б. деньги мои, у Г. тоже, а я здѣсь сижу безъ денегъ, задолжалъ уже 1.500 руб. Узнай въ подробности дѣйствія правительства и тамбово-козловскихъ властей по моему дѣлу о побѣгѣ; а записки перешли чрезъ вѣрныя руки къ Андрееву. Онъ, говорятъ, си-

дѣлъ подъ арестомъ. Мнѣ эти подробности необходимы. Что Стелловскій? Что Даргомыжскій? Что Сѣровъ? Что всѣ?.. Перепиши это письмо и перешли къ В. В. Р—вой. Юрій Голицынъ».

Поселившись въ Лондонѣ, князь Ю. Н. Голицынъ испытывалъ много невзгодъ и лишеній. Такъ, онъ заключилъ контрактъ съ однимъ антрепренеромъ, которому за три шиллинга въ день обязанъ былъ три раза въ сутки дирижировать въ концертахъ или оркестромъ на балѣ. Трудно сказать, сколько времени пришлось бы ему отбывать подобнаго рода тяжелую службу, но пріобрѣтя себѣ уже извѣстность въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, онъ вошелъ въ соглашеніе съ другимъ концертнымъ антрепренеромъ, г. «Кардуэль и компанія», содержателями великолѣпнаго сада въ Лондонѣ «Sereygardens», и заключилъ съ ними контрактъ на срокъ сезонныхъ концертовъ. Условія были выгодныя: полный валовой сборъ долженъ былъ дѣлиться между имъ и антрепренерами, но съ тѣмъ условіемъ, что князь Голицынъ долженъ былъ составить оркестръ не менѣе, какъ изъ 60-ти человѣкъ, а всѣ расходы по саду, афиши—падали на антрепренера и компанію. Зала, въ которой должны были быть концерты, вмѣщала, кромѣ наружныхъ галлерей и террасъ, болѣе 8.000 человѣкъ. Первый концертъ долженъ былъ быть въ пользу антрепренеровъ. Въ день ихъ бенифиса по Лондону разносились огромныя афиши въ видѣ «двуспальныхъ одѣялъ», какъ говорилъ отецъ, и которыя гласили, что весь концертъ будетъ подъ управленіемъ His Highness prince George Nicolas Golitzine, т. е. его королевскаго высочества [1]), князя Георгія Николаевича Голицына, и на афишахъ чуть не аршинными буквами красовались имена Альбани и Олебуля [2]). Концертъ вполнѣ удался, сборъ былъ громадный, такъ какъ публики было не менѣе шестнадцати тысячъ человѣкъ. Но не суждено было осуществиться второму концерту, отъ котораго отецъ ожидалъ прибыли. Послѣ репетиціи, которая кончилась въ 12 часовъ, отецъ пошелъ домой въ Alfa Rood; путь былъ далекъ, онъ разсчитывалъ къ четыремъ часамъ быть дома; проходя по Regent Street около 4-хъ часовъ какой-то господинъ подошелъ къ нему и спросилъ по-французски съ итальянскимъ акцентомъ:

— Вы князь Голицынъ?

— Да,—отвѣчалъ отецъ.

— У васъ сегодня назначенъ концертъ въ «Sereygardens»? Но этотъ концертъ состояться не можетъ—и, указывая по направленію «Sereygardens», гдѣ виднѣлся густой черный дымъ, подалъ отцу газету

[1]) При переводѣ князя на титулъ принцъ, англичане именуютъ его королевскимъ высочествомъ.

[2]) Альбани — знаменитая пѣвица-контральто, а Олебуле — знаменитый скрипачъ.

*

«Express», выходящую ежедневно въ три часа, въ которой онъ съ ужасомъ прочелъ: «Пока мы пишемъ эти строки, Sereygardens'кая зала, въ которой былъ вчера концертъ подъ управленіемъ князя Голицына, наполовину уже сгорѣла».

Это извѣстіе было, конечно, страшнымъ ударомъ для отца. Причину пожара никто не могъ разъяснить, но подозрѣніе было на товарищей Кардуэля — контрактъ былъ слишкомъ выгоденъ для князя Голицына, сила контракта пожаромъ уничтожалась и можно было приступить къ новому условію на менѣе выгодныхъ для него условіяхъ, что̀ и было сдѣлано. Кардуэль и компанія ничего не потеряли, зала была застрахована и наканунѣ концертъ съ буфетнымъ сборомъ далъ 10 тысячъ рублей чистыхъ, и Кардуэль выстроилъ новую залу въ видѣ палатки, съ раковинообразной формой для помѣщенія оркестра.

Концерты въ Лондонѣ—это та же рулетка: погода хорошая—сборъ громадный, погода дурная—банкротство концертныхъ антрепренеровъ, и Sereygardens'кіе концерты потерпѣли неудачи вслѣдствіе проливныхъ дождей, лившихъ цѣлый мѣсяцъ; болѣе 150 или 200 человѣкъ не приходило ихъ слушать.

Несмотря на понесенный убытокъ отъ Sereygardens'кихъ концертовъ, отецъ вспоминаетъ съ удовольствіемъ о тѣхъ хорошихъ отношеніяхъ между имъ и его оркестромъ и то довѣріе, которое музыканты имѣли къ нему: «Хорошія отношенія, говоритъ онъ, которыя существовали между мною и музыкантами, были въ продолженіе всей моей артистической жизни однимъ изъ самыхъ отрадныхъ явленій». Послѣ этой неудачи отецъ получилъ предложеніе г-на Смитъ управлять оркестромъ въ Креморенгарденскомъ саду, который онъ купилъ за 20.000 фунтовъ стерл., и для устройства этого сада ничего не жалѣлъ. Онъ предложилъ отцу заключить съ нимъ контрактъ на 6 лѣтъ, съ платою ежегодно за 8 мѣсяцевъ 3.000 фунтовъ жалованья, квартиру съ полнымъ содержаніемъ, 4-хъ мѣсячный отпускъ и полный бенефисъ въ срединѣ сезона. Нельзя было не согласиться на такія условія, и отецъ былъ въ полномъ восторгѣ, сожалѣя только о томъ, что подписаніе контракта Смитъ отложилъ, желая, вѣроятно, испытать «князя Голицына». На него смотрѣли тогда какъ на «князя-диллетанта». Вотъ что говорилъ онъ по поводу этого: «Въ теченіе моей жизни я не разъ привлеченъ былъ къ занятію многихъ почетныхъ должностей, былъ честолюбивъ, но всегда таилось во мнѣ призваніе артиста! Много горькаго и тяжкаго испыталъ я за это призваніе.

«Нѣтъ сомнѣнія, что рожденіе, связи и та обстановка, въ которой я находился, не мало тормозили болѣе серьезное развитіе моей артистической дѣятельности и, при появленіи моемъ на заграничномъ артистическомъ поприщѣ, тамъ сначала полагали меня способнымъ вос-

производить только то, что принято въ обществѣ, съ критической точки зрѣнія, называть — musique de prince [1]). Но сила воли взяла свое, и недовѣрявшіе дали впослѣдствіи мнѣ возможность имѣть честь и право считать себя артистомъ.

«Въ заключеніе смѣло скажу, что одна только горячая любовь къ искусству постоянно поддерживала меня въ моемъ призваніи и довела, несмотря на сословные предразсудки и ожесточенныя борьбы, до берега».

Итакъ, вернемся къ концертамъ Креморенгарденскаго сада. Смитъ предполагалъ для открытія гулянья въ своемъ саду собрать для этого торжества четыре оркестра и нѣсколько хоровъ, всего до 1.000 человѣкъ, подъ управленіемъ князя Голицына. Для этой цѣли въ саду была выстроена громадная эстрада и великолѣпная декорація. Программа была составлена самимъ Смитомъ и, по словамъ отца, не отличалась музыкальнымъ интересомъ. Каждое отдѣленіе начиналось увертюрой изъ разныхъ оперъ. А именно: «Цампы», «Фенеллы», «Бронзоваго коня» и «Фра-Діаволо». Въ день концерта отецъ явился въ 9 часовъ утра на репетицію. Всѣ музыканты, участвовавшіе въ концертѣ, были ему незнакомы, и во время репетиціи онъ замѣтилъ, что они неохотно играютъ подъ его управленіемъ, не вполнѣ подчиняются его темпу, переговариваются, хихикаютъ и т. д., но онъ старался не замѣчать этого. Оставалось исполнить увертюру «Фра-Діаволо», которая начинается барабаннымъ solo. Отецъ подалъ знакъ барабанщику-солисту начинать, но послѣдній разговаривалъ съ своимъ сосѣдомъ и не начиналъ; тогда отецъ постучалъ палочкою по пюпитру и далъ повторительный знакъ. Барабанщикъ не унимался и продолжалъ разговоръ. Тогда отецъ, обратясь къ нему, съ сердцемъ сказалъ, какъ онъ самъ выражается—«avec le ton qui fait la musique»: «Je ne suis pas venu, monsieur, pour écouter vos balivernes, je vous engage d'être à votre affaire» [2]).—«On y est, monsieur, est on y sera» [3]). — отвѣтилъ нахально французъ-барабанщикъ.

Въ половинѣ восьмого вечера того же дня начался концертъ. Въ программѣ первымъ № стояла увертюра «Цампы». Отецъ мой вошелъ на эстраду, махнулъ капельмейстерскимъ жезломъ и, о ужасъ! съ перваго же аккорда послышался страшный диссонансъ: одинъ оркестръ началъ «Цампу», другой — «Бронзоваго коня», третій — «Фенеллу» и четвертый—«Фра-Діаволо», и тотъ дерзкій барабанщикъ, стоя на стулѣ,

---

[1]) Княжеская музыка.

[2]) „Я здѣсь не для того, чтобы слушать ваши шутки—я прошу васъ заниматься вашимъ дѣломъ“.

[3]) „Я здѣсь, милостивый государь, и буду на своемъ мѣстѣ“.

громко билъ дробь на барабанѣ, прикрикивая: «On y est, monsieur, on y est!!..» [1]).

«Видя, что это было не что иное, какъ общій заговоръ всѣхъ музыкантовъ противъ меня, говоритъ князь Голицынъ въ своихъ воспоминаніяхъ, и что тутъ уже ничего не подѣлаешь, увлекся постоянной моей нетерпимостью и, пустивъ мѣтко моимъ капельмейстерскимъ жезломъ въ грудь француза, сошелъ съ эстрады!

«Смитъ, которому объ этомъ скандалѣ немедленно доложили, бѣжалъ уже къ мѣсту сраженія и, встрѣтивъ меня на дорогѣ, сказалъ мнѣ:

— Можетъ быть у вашего королевскаго высочества много таланта, но вы не обладаете однимъ и самымъ главнымъ, это—умѣньемъ уживаться съ тѣми, отъ кого вы зависите, и потому, не находя возможнымъ имѣть съ вами серьезное дѣло, отъ предложеній моихъ отказываюсь и контракта не подпишу. Доброй ночи!

«И съ этими словами онъ пошелъ дальше. Долго стоялъ я на одномъ мѣстѣ, но въ первый разъ не выдержалъ такого удара... и горько заплакалъ».

Вотъ какія тяжкія минуты приходилось переживать отцу на чужой сторонѣ. Но онъ не унывалъ.

«Къ будущему сезону я надѣюсь поставить «Жизнь за Царя», писалъ онъ Р—ву, и, конечно, самъ буду дирижировать въ оркестрѣ au théâtre de la reine. Cela sera un pas pour avoir après la direction des opéras classiques [2]). Я только сегодня вернулся изъ провинціи. Представь себѣ, любезный камрадъ, съ 10-го августа по 24-е сентября chaque jour un et quelquefois deux concerts et chaque jour un voyage sans valet de chambre! [3]).

«Трудно, братъ, а честно, такъ должно — je suis venu gagner mon pain et une fortune! [4]) Иногда хочется закричать: ей... человѣкъ! надѣнь носки! Подождешь, подумаешь, нагнешься и кое-какъ самъ натянешь; да, мой другъ,—autre temps, autre moeurs! [5]) Я, впрочемъ, такъ теперь привыкъ къ этой новой жизни, такъ свыкся съ лишеніями, что кажется иначе быть не можетъ и не должно! Je suis homme à présent [6]); и я такъ увлекся моимъ положеніемъ, что если бы теперь я долженъ былъ ne pas travailler pour vivre et ne pas vivre pour travailler, ma posi-

---

[1]) „Я здѣсь, милостивый государь, я здѣсь!!..“

[2]) Въ театрѣ королевы; это будетъ шагъ, чтобы получить мѣсто директора классическихъ оперъ.

[3]) Каждый день одинъ, а иногда два концерта, и каждый день путешествіе безъ лакея!

[4]) Я пріѣхалъ сюда заработывать насущный хлѣбъ и состояніе.

[5]) Другое время, другіе нравы.

[6]) Я теперь сталъ человѣкомъ.

tion ne serait pas tenable! [1]) Сожалѣю только, что 36-ти лѣтъ попалъ въ эту школу, а не 16-ти,—чувствую, что я былъ бы человѣкъ и человѣкъ недюжинный».

Мама со смиреніемъ продолжала переносить свое горе; заботъ же у нея прибавилось: по желанію отца, она была назначена опекуншей надъ его состояніемъ и часто должна была ѣздить въ Салтыки. Иногда мама и насъ брала съ собою, что составляло для насъ величайшее блаженство, потому что мы заѣзжали къ нашимъ друзьямъ Р—мъ и оставались у нихъ гостить, пока мама была задерживаема дѣлами въ Салтыкахъ.

Радость Р—хъ видѣть насъ была большая. Въ домѣ поднималась бѣготня, кто заботился какъ бы посытнѣе угостить, кто—какъ бы покойнѣе устроить комнаты пріѣзжимъ друзьямъ изъ такой дали. Но мы о покоѣ не думали и требовали, чтобъ насъ непремѣнно помѣщали всѣхъ вмѣстѣ; а такъ какъ комната трехъ нашихъ подругъ была невелика и поставить шесть кроватей было невозможно, то намъ устраивали постели на полу, а кровати оставались пустыя. Сонъ долго не смыкалъ нашихъ глазъ, ему не было мѣста въ нашей комнатѣ, которая далеко за полночь оглашалась болтовней шести юныхъ дѣвочекъ и ихъ веселымъ смѣхомъ... Послѣ того, какъ В. В. Р—ва нѣсколько разъ повторитъ намъ: «Дѣвчонки, пора спать!» мы на время стихали, потомъ шепотомъ продолжали наши разговоры и, наконецъ, подъ тихій говоръ—одна за другой—засыпали... А утромъ просыпались подъ чудные звуки Фильда, Шопена, Мендельсона и др. Р—въ какъ вставалъ, садился за фортепіано и, великолѣпно исполняя эту дивную музыку, вливалъ въ душу такіе хорошія, радостныя чувства! Дорогой нашъ другъ, дивные звуки, которыми онъ услаждалъ насъ, и многое хорошее улетѣло въ вѣчность и прошло безвозвратно, какъ-будто и не существовало... Но въ душѣ все живетъ и прошлое неизгладимо!

А когда мы взрослыми дѣвицами пріѣзжали къ Р—ымъ, то такъ веселились, что впослѣдствіи и удовольствія Петербурга не заставляли забывать веселые дни, проведенные съ нашими друзьями, и пожалуй иногда промѣняли бы пышный великосвѣтскій балъ на наши танцовальные вечера въ Знаменскомъ.

Такъ какъ Р—вы славились своимъ гостепріимствомъ, то у нихъ всегда кто-нибудь бывалъ изъ сосѣдей; съ нашимъ же пріѣздомъ молодежи прибавлялось, и всѣ удовольствія бывали въ очень большой компаніи. По утрамъ мы обыкновенно сходились вмѣстѣ, каждая съ работой, а хозяйка дома или сестра ея читали намъ громко; они прида-

---

[1]) Не жить для труда и не трудиться для жизни—положеніе мое было бы невыносимо.

вали столько жизни каждому, даже незначительному разсказу, что слушать ихъ было наслажденіе, а въ особенности, когда читали классиковъ. Послѣ обѣда мы всѣ отправлялись играть на бильярдѣ; вечеръ начинался съ пѣнія. Послѣ чая А. А. Р—въ обыкновенно садился за фортепіано и, проигравъ нѣсколько аккордовъ изъ того, что онъ желалъ бы, чтобъ я спѣла (почти всегда начиналъ онъ съ «Любви роскошная звѣзда» изъ «Руслана»), приглашалъ меня пѣть. Я спѣшила кончать свой чай и идти на его зовъ. Вся наша милая, старая и молодая компанія разсаживалась по уголкамъ и слушала меня. Я пѣвала долго; мнѣ самой пріятно было дѣлать удовольствіе тѣмъ, кто любилъ мой голосъ и пѣніе. Кончали вечеръ танцами. Въ хорошую же погоду и лунную ночь любили ѣздить кататься, и послѣ ужина намъ подавали нѣсколько розвальней и поѣздъ нашъ трогался. Домъ Р—хъ стоялъ на очень живописной, довольно большой горѣ, подъ горой протекала широкая рѣка, по ту сторону былъ лѣсъ; и наше любимое мѣсто катанья было ѣхать на рѣку, такъ какъ при лунномъ освѣщеніи мѣстоположеніе было очень красиво. При спускѣ съ крутой горы розвальни пустѣли—мы съ крикомъ и хохотомъ на ухабахъ и раскатахъ вылетали изъ нихъ!

Однажды пріѣхали къ Р—мъ молодые люди, проводившіе большую часть времени въ Петербургѣ, они важничали тѣмъ, что не провинціалы и, напоминая объ этомъ, говорили: «chez nous à Pétersbourg». Мы, желая позабавить столичныхъ гостей деревенскими удовольствіями, по обыкновенію приказали заложить розвальни, надѣли свои полушубки, шапки, солдатскіе башлыки, подпоясались красными кушаками и, щеголяя деревенскимъ нарядомъ, пригласили кавалеровъ насъ сопутствовать. Кавалеры вышли одѣтые по послѣдней модѣ, надѣясь, можетъ быть, плѣнить насъ и, вѣроятно, думали найти у крыльца великолѣпную тройку, такъ какъ у Р—хъ былъ хорошій конный заводъ, но по ихъ удивленнымъ лицамъ можно было видѣть, что розвальни на нихъ не совсѣмъ сдѣлали пріятное впечатлѣніе, и они по-неволѣ, съ гримасой, усѣлись въ «мужицкія сани». А мы, проказницы, шепнули кучеру, чтобъ на ухабахъ ѣхалъ шибче! Каковъ былъ ужасъ нашихъ петербургскихъ франтиковъ, когда они на ухабѣ очутились выброшенными въ снѣгъ. На этотъ разъ мы удержались и не упали, но зато хохотъ былъ неудержимый и, вѣроятно, по мнѣнію нашихъ кавалеровъ, вышелъ изъ приличія; они такъ разгнѣвались, что рѣшили вернуться пѣшкомъ, боясь опять выпасть изъ отвратительныхъ саней, и, спотыкаясь, теряя калоши, поплелись домой... А мы, чтобы не дразнить ихъ нашимъ хохотомъ, который не въ силахъ были удержать, погнали лошадей и скрылись отъ недовольныхъ взоровъ нашихъ столичныхъ гостей!..

XIII.

Наканунѣ эмансипаціи.—Неустрашимость матери.—Первый пріѣздъ посредника.—Евграфъ въ розовыхъ панталонахъ.—Пріѣздъ гувернантки и поѣздка въ Пензу.—Возвращеніе отца на родину.—Поѣздка къ дѣдушкѣ князю Н. Б. Голицыну.—Весна въ Курской губерніи.—Путешествіе по Малороссіи.—Свиданіе съ отцомъ.—Поѣздка въ Тамбовъ.—Поступленіе сестеръ въ Тамбовскій институтъ.—Возвращеніе въ Огарево—Русская пляска.—Прощаніе съ дѣтствомъ—Памяти брата.

19-го февраля, 1861 года, знаменительный и славный день для Россіи—прошелъ въ Огаревѣ незамѣтнымъ, такъ какъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ не дошелъ тогда еще до нашего захолустья. Въ концѣ или въ срединѣ марта, въ самую распутицу, мамà пріѣхала изъ Петербурга и привезла его съ собой. Она радовалась и гордилась тѣмъ, что раньше властей привезла въ Огарево счастливую вѣсть, о которой офиціально нельзя было еще объявлять, но всѣмъ по секрету она читала манифестъ. Разсказывала она, что и какъ изъ Нижняго, по большой почтовой дорогѣ, съ трудомъ добивалась лошадей, такъ какъ на всѣхъ станціяхъ велѣно было тройки оставлять для курьеровъ, которые должны были развозить манифесты. Когда пришелъ нашъ священникъ поздравить «княгиню» съ пріѣздомъ и узнать, что новенькаго, немало смѣялся онъ, когда мамà разсказывала ему, что наканунѣ 19-го февраля,—день когда по Высочайшему повелѣнію было приказано прочесть въ церквахъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, страшно боялись женъ священниковъ, т. е. ихъ болтливости, и поэтому накануне манифесты не были розданы и всѣхъ столичныхъ священниковъ будили ночью на 19-е февраля, вручая имъ манифестъ для прочтенія за обѣдней. Разсказывала мамà, что въ Петербургѣ всѣ боялись безпорядковъ и бунта, но многіе удивлялись этому и говорили, что страхъ былъ непонятный, неосновательный и раздутый недоброжелателями. У насъ-же, въ Огаревѣ страховъ никакихъ не было, хотя все-таки маленькое событіе и произошло наканунѣ 1861 года.

Крестьяне, въ крѣпостное право, работали, кажется, три дня въ недѣлю на себя, а остальные на помѣщика. Случилось такъ, что они свой хлѣбъ свезли, а нашъ еще былъ въ полѣ. Мать моя, чтобы не затягивать возку, предложила имъ помѣняться днями, т. е. взять ихъ дни и отдать имъ свои, когда свезутъ хлѣбъ, на что крестьяне согласились. Но слова «свобода и воля» уже вертѣлись въ головахъ, и понимая ихъ въ смыслѣ ослушанія и противодѣйствія начальству, вожаки общества взбунтовали все село и порѣшили не выходить совсѣмъ на работу. На другой день они также не пошли на работу и съ ранняго

утра стали собираться къ намъ во дворъ. Мы всѣ еще спали. Прислуга перепугалась—разбудили мама̀. Она, накинувъ пенюаръ, вышла къ нимъ.

Многіе изъ крестьянъ даже не сняли шапокъ при видѣ ея. Мама́ не смутилась и не струсила, а строго и недовольнымъ тономъ стала съ ними говорить, на что́ нѣкоторые не совсѣмъ дружелюбно отвѣчали; тогда мама̀ возвысила голосъ и требовала выдать зачинщиковъ безпорядка, сказавъ, что если они этого не сдѣлаютъ, то она сейчасъ пошлетъ за исправникомъ и становымъ, которые по-своему съ ними раздѣлаются. Приказчикъ, стоявшій около мама̀, былъ какъ въ лихорадкѣ и все повторялъ: «Ваше сіятельство! уходите, вѣдь это разбойники, они васъ убьютъ!» Мама́, приказавъ ему замолчать, продолжала говорить. Крестьяне одинъ за другимъ стали снимать шапки и наконецъ, ставши на колѣни, просили прощенія, и выдавъ виновниковъ безпорядка, прямо отъ крыльца пошли въ поле на работу. Мама́ въ наказанье взяла у нихъ два дня не въ зачетъ, а главнаго виновника бунта отправила на нѣкоторое время въ исправительный домъ, такъ какъ у нея тѣлесныя наказанія не практиковались. Этотъ урокъ и наказанія послужили въ пользу мужику — онъ впослѣдствіи сдѣлался самымъ вѣрнымъ и преданнымъ слугою. Первый пріѣздъ посредника ознаменовался слѣдующимъ эпизодомъ. Евграфъ явился къ нему жаловаться на «княгиню» и посредникъ, разобравъ его жалобу, пришелъ къ намъ съ очень серьезнымъ лицомъ и, обращаясь къ мама́ сказалъ:

— Княгиня! я сію минуту выслушалъ на васъ жалобу одного вашего служащаго и признаюсь удивляюсь вашему жестокосердію.

Мама̀, легко пугавшаяся, не на шутку испугалась и съ видомъ удивленія спросила:

— Что такое, что я сдѣлала?!

— Вашъ лакей Евграфъ, отвѣтилъ посредникъ, обиженъ тѣмъ, что вы его одѣваете какъ старика: другаго цвѣта кромѣ чернаго не позволяете носить.

Много мы всѣ смѣялись надъ этой жалобой, и мама́ рѣшила, прибавить Евграфу жалованья съ тѣмъ, чтобъ онъ самъ одѣвался какъ знаетъ. Онъ поспѣшилъ воспользоваться этой свободой и сшилъ себѣ туалетъ, подходящій къ его молодымъ годамъ. Въ первый праздникъ нарядился онъ въ свѣтло-розовыя панталоны и лиловый галстухъ, самодовольно оглядывая себя! Но къ несчастью, всѣ его невѣсты дѣвичьей осмѣяли его, и онъ, повѣривъ имъ, что черный цвѣтъ болѣе ему къ лицу, опять облекъ себя въ старческій туалетъ, хотя иногда, по большимъ праздникамъ, украшалъ себя цвѣтными галстухами.

Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ, когда мы еще не спали, пріѣхала къ намъ изъ Петербурга новая гувернантка m-lle К. Мама́ позвала насъ и подвела къ ней сказавъ: «Voici vos futures éléves». Она насъ

испугала своимъ необыкновеннымъ ростомъ: въ ней было 2 ар. 10 вершковъ и ей пришлось очень низко нагнуться, чтобы поцѣловать насъ. Необыкновенный ростъ m-lle К. возбуждалъ всеобщее любопытство. Такъ однажды, когда мы, будучи въ Пензѣ, пошли въ церковь, то прохожіе останавливались и оглядывали ее съ ногъ до головы. Въ церкви-же у одного господина любопытство дошло до того, что онъ подошелъ къ ней и поднялъ вуаль, желая убѣдитьея дѣйствительно-ли это женщина.

M-lle К. была добрая, привязчивая, очень веселая, и мы скоро ее полюбили. Она научила насъ всевозможнымъ забавнымъ играмъ и сама принимала участіе въ нихъ.

Но, несмотря на ея веселость, часто нападала на нее грусть и вотъ причина: она постоянно видѣла во снѣ своего умершаго отца и видѣла его несчастнымъ; сны эти, ужасно ее мучали, и она часто говорила, что ей недостаетъ въ ея религіи молитвы объ усопшихъ; тогда мама́ посовѣтывала ей подавать на проскомидію, а ей дала обязанность зажигать наканунѣ праздниковъ всѣ лампады въ домѣ, и называя ее своей «весталкой», совѣтывала при зажиганіи лампадокъ молиться за упокой души ея отца. Совѣтъ этотъ не прошелъ даромъ—она успокоилась и перестала видѣть тяжелые сны. Эти молитвы и покой душевный приблизили ее къ нашей православной религіи: она часто стала ѣздить съ нами въ церковь, и свѣтъ, разливаемый ею въ лампадкахъ, просвѣтилъ и ея душу—она перешла въ православную вѣру.

Живши безвыѣздно въ Огаревѣ, мы росли далеко отъ родныхъ и друзей, а между тѣмъ, всѣ желали видѣть насъ: нѣкоторые, изъ любви къ нашимъ родителямъ, другіе—изъ любопытства. Мама́ не имѣла достаточно средствъ, чтобы везти насъ къ роднымъ на показъ и рѣшила снять фотографіи и разослать ихъ всѣмъ желающимъ насъ видѣть. Итакъ, въ одинъ прекрасный день мы собрались въ первый разъ въ Пензу. Радость была большая, и само собою разумѣется, что, не видавши давно ничего кромѣ Огарева, Пенза произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе. Мнѣ было тогда 12 лѣтъ. Повезли насъ въ театръ, гдѣ давали «Эсмеральду» и «Аскольдову» могилу». Вернувшись въ Огарево, я долго бредила театромъ и писала на всѣхъ тетрадкахъ даже Катенькѣ въ альбомъ, изливая свой восторгъ при воспоминаніи о Пензѣ.

Въ 1862 году отецъ вернулся въ Россію; получивъ разрѣшеніе отъ императора Александра II, онъ, при воспоминаніи о своемъ возвращеніи на родину, писалъ въ своихъ запискахъ слѣдующія строки:

«Кто не испыталъ сладости возвращенія на родину тогда, когда, вслѣдствіе сложившихся обстоятельствъ, уже составилось тяжкое убѣжденіе, что возвращеніе невозможно,—тотъ вполнѣ не можетъ оцѣнить всю истину и глубину извѣстнаго изреченія: «и дымъ отечества пріятенъ». А потому, возвратившись на родину и приступая къ описанію моей

жизни, прежде всего не могу не сказать, какъ глубоко запало въ мое сердце чувство благодарности и преданности къ тому, который далъ мнѣ отраду этого возвращенія».

Мать-же, оставивъ насъ въ Огаревѣ и уѣхавъ по дѣламъ, писала намъ 14-го октября того-же года:

«Дорогіе мои дѣти! въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ могу только разцѣловать васъ тысячу разъ и сказать вамъ, какъ горячо люблю васъ и какъ грустно мнѣ было разстаться съ вами опять. Будьте умны, дорогія мои дѣвочки, украшайте умъ свой и сердца́ ваши знаніями, чтеніемъ хорошихъ книгъ и слушайте добрые совѣты вашей наставницы. Если-бы вы знали, какъ люблю я васъ и какъ желаю я видѣть въ васъ одно хорошее! Объявляю вамъ, мои милыя, что отецъ вашъ вернулся въ Россію! Передъ своимъ отъѣздомъ я не могла вамъ сказать объ этомъ, потому что извѣстіе это пришло за нѣсколько минутъ до разлуки съ вами и я была слишкомъ взволнована и тѣмъ и другимъ...

«Можетъ быть папа́ пріѣдетъ васъ навѣстить; будьте милы и ласковы къ нему. Онъ добрый, но несчастный! Утѣшьте его. Молитесь Богу утро и вечеръ. Скажите m-me de Laveau и Катенькѣ, чтобы онѣ приняли папа́ какъ можно лучше, чтобы всѣ его желанія были исполнены и чтобы ни въ чемъ не было недостачи. Господь да хранитъ васъ».

Въ 1863 году по первому зимнему пути, мы наконецъ двинулись всѣ вмѣстѣ въ дальнее путешествіе. Огарево опустѣло. Осталась тамъ одна Катенька, свыкшаяся такъ съ огаревской тихой и мирной жизнью, что ей никуда не хотѣлось выѣзжать оттуда. Дѣдушка, кн. Голицынъ пригласилъ насъ на всю зиму погостить къ себѣ въ Курскую губернію, село Богородское. Я стремилась къ новымъ мѣстамъ и новымъ лицамъ! Ѣхать было весело—насъ была большая компанія: мама́, насъ трое, m-lle К., двѣ горничныя, поваръ и лакей. Ѣхали въ двухъ возкахъ и саняхъ. Путешествіе было длинное и утомительное, желѣзныхъ дорогъ по пути не было. Несчастная m-elle К. ужасно страдала въ возкѣ по случаю своихъ длинныхъ ногъ, которыя то высовывала въ окно, то садилась на козлы—расправлять ихъ, то выходила и шла пѣшкомъ. На почтовыхъ станціяхъ, пока перепрягали лошадей, мы пили чай, грѣлись и кушали, съ большими аппетитомъ, заготовленные на дорогу пирожки съ капустой и вареньемъ, куры, утки и т. д. У мама́ было много друзей по дорогѣ, и мы ко всѣмъ заѣзжали, останавливаясь на нѣсколько дней, поэтому ѣхали долго. Дѣдушка и бабушка (мачиха отца) встрѣтили насъ очень радушно. Первое время, все насъ интересовало и забавляло въ Богородскомъ, но скоро мы стали тосковать объ Огаревѣ. Мы чувствовали себя не дома, не было той свободы, той простоты. Пришли святки, мы также на-

ряжались, плясали, но праздники показались намъ скучнѣе огаревскихъ. Пришла Пасха, и она намъ показалась совсѣмъ не такой радостной какъ въ Огаревѣ. Первое неудовольствіе было на то, что въ домѣ у бабушки было такъ всегда чисто, что передъ великимъ праздникомъ мы не ощущали перемѣны, все оставалось на своемъ мѣстѣ, ничто не выносилось, не выбивалось, не мылось, и мы потихоньку говорили: «какая скука! совсѣмъ не похоже, что мы наканунѣ Свѣтлаго Праздника! то-ли дѣло у насъ въ Огаревѣ!» Бабушка, кн. Вѣра Өеодоровна рожденная Пешменъ, воспитывалась у прабабушки кн. Анны Александровны Голицыной, которая своимъ вліяніемъ заставила воспитанницу полюбить православную вѣру, въ которую она и перешла. Она, говорятъ, была хорошенькая блондинка, образованная, умная, хорошо воспитанная.

Дѣдушка овдовѣвъ влюбился въ нее и женился противъ желанія матери и всѣхъ родныхъ, которые находили, что бракъ неравенъ. Но вскорѣ всѣ ее полюбили, несмотря на то, что она была очень строга, какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ. Дѣдушка и вся его семья очень ее любили и уважали. Когда дѣдушка разстроилъ свое состояніе и Богородское должно было идти кредиторамъ, сестра его Татьяна Борисовна Потемкина, какъ ангелъ-хранитель своего семейства, поспѣшила брату на помощь, выкупила его имѣнье, но передала бабушкѣ Вѣрѣ Өеодоровнѣ, которая съ тѣхъ поръ завѣдывала всѣми дѣлами сама. Отецъ мой также очень любилъ ее и съ глубокимъ уваженіемъ относился къ ея качествамъ. Въ началѣ, когда мы гостили въ Богородскомъ, я боялась бабушку, такъ какъ она не пропускала ни одной неловкости, ни одной оплошности въ насъ и всегда все замѣчала, но потомъ я полюбила ее и пользовалась также ея расположеніемъ. Она часто, бывало, заставляла меня пѣть романсъ: «Гори, гори, моя лампада» и говорила «j'aime la voix pure d'Hélène et aussi son front si pur» [1]).

У нихъ было два сына, Борисъ и Николай [2]). Дѣдушка Николай Борисовичъ былъ чрезвычайно образованный человѣкъ. Несмотря на свою застѣнчивость и разсѣянность, онъ былъ всегда пріятнымъ въ обществѣ; говорилъ умно, краснорѣчиво и былъ до старости поклонникомъ прекраснаго пола. Онъ игралъ замѣчательно хорошо на віолончели, такъ что лучшіе артисты, европейскіе знаменитости, считали за удовольствіе играть съ нимъ. Однажды я слышала его на музыкальномъ вечерѣ у

---

[1]) „Я люблю, чистый голосъ Елены, а также ея непорочный лобъ".

[2]) Дядя Борисъ Николаевичъ былъ любимецъ матери, а дядя Николай Николаевичъ незаслуженно и несправедливо не пользовался ни лаской, ни любовью матери, что конечно должно было горечью отражаться въ его добромъ и горячемъ сердцѣ.

Т. Б. Потемкиной, играющимъ съ знаменитымъ віолончелистомъ Servais, и общіе толки были тогда, что трудно сказать, кто лучше игралъ— артистъ или диллетантъ?... Бывши за-границей, дѣдушка познакомился съ Бетховеномъ, съ которымъ подружился, и чуть ли не онъ привезъ его въ Россію. Есть нѣсколько сочиненій Бетховена, посвященныхъ ему. Дѣдушку въ домѣ не было слышно: онъ кромѣ своихъ книгъ и віолончели, ничего не зналъ, ни во что не входилъ; все управлялось его женой, и рѣдкій порядокъ въ домѣ велся ею. Дѣдушка очень любилъ поэзію, часто декламировалъ и самъ писалъ стихи.

Когда мы у него гостили, онъ по вечерамъ или игралъ на віолончели, или забавлялъ насъ разсказами о себѣ и о проказахъ нашего отца. Онъ былъ такой добрый и ласковый къ намъ и если-бъ юность умѣла разумно цѣнить людей, ихъ умъ и знаніе, то можно было-бы многому научиться отъ него и много наслушаться и запомнить интересныхъ разсказовъ, но къ несчастью, я была тогда почти дитя, и все слышанное позабыто; онъ былъ также участникомъ Отечественной войны, но въ юнкерскомъ чинѣ. Смѣшно, что остался у меня въ памяти, одинъ только пустой, но смѣшной разсказъ его о шалостяхъ отца. Конечно тогда намъ, дѣтямъ, этотъ разсказъ былъ переданъ дѣдушкой совершенно просто, не такъ, какъ я его передаю и какъ впослѣдствіи слышала, бывши взрослой— конечно объ ухаживаніи, любви и успѣхѣ въ то время съ дѣтьми не говорили. Вотъ этотъ разсказъ: отецъ и дѣдушка какъ то разъ проводили зиму вмѣстѣ въ Петербургѣ; кругъ знакомыхъ конечно былъ тотъ же; оба они любили поухаживать за дамами, но дѣдушка, зная успѣхъ отца въ дамскомъ обществѣ и любовь отбивать у него симпатію дамъ, старался скрыть, которая изъ нихъ пользуется его вниманіемъ, боясь чтобы сынъ не разбилъ всѣ его воздушные замки. Но трудно было маскироваться отъ опытнаго взгляда сына—и мечты дѣдушкины разбивались въ дребезги...

Однажды онъ собрался дѣлать визиты, принарядился, раздушился и передъ выѣздомъ велѣлъ подать закусить на скорую руку.

Подали къ закускѣ и лимбургскій сыръ, который дѣдушка велѣлъ отнести, говоря, что когда собираешься съ визитами, лимбургскій сыръ нельзя ѣсть. Отецъ, бывши въ комнатѣ, остановилъ человѣка сказавъ: «такъ какъ я, папа́, сегодня не ѣду, желая вамъ дать полную свободу дѣйствій, позвольте оставить сыръ—я имъ займусь» и принялся кушать. Между тѣмъ, у него въ умѣ было другое! когда дѣдушка нагнулся къ столу, выбирая закуску, онъ потихоньку вложилъ въ его карманъ кусокъ сыра, который дѣдушка опасался даже кушать. Надушивъ себя еще разъ, боясь захватить съ собою дурной запахъ отъ близкаго сосѣдства сыра и не подозрѣвая, что онъ въ его карманѣ, дѣдушка уѣхалъ. Его ужасу и удивленію не было границъ, когда онъ, посѣщая элегантные

салоны великосвѣтскихъ красавицъ, былъ преслѣдуемъ невозможнымъ запахомъ... Въ каждой швейцарской онъ приказывалъ оглядывать свой туалетъ, не понимая откуда подобный запахъ, но все было на немъ чисто и элегантно. Онъ былъ въ отчаяніи, когда нѣкоторыя дамы при его появленіи не стѣсняясь держали носовые платки у носа... Не кончивъ визитовъ раздосадованный вернулся онъ домой и тамъ дѣло разъяснилось: въ карманѣ камердинеръ нашелъ кусокъ лимбургскаго сыра: «всегда этотъ проказникъ—Юрка вездѣ мнѣ насолитъ!» воскликнулъ дѣдушка...

Мы въ первый разъ встрѣчали весну на югѣ. Какъ ни любила я свою сѣверную огаревскую весну, какъ ни находила много прелестей въ ней, какъ ни наслаждалась мартовскимъ солнцемъ, сгоняющимъ такъ быстро снѣжныя груды, подъ которыми ручейки струились и которымъ мы, бывало, давали свободный ходъ, расчищая лопаточками снѣгъ и любуясь на воду, утекающую съ тихимъ журчаніемъ куда-то далеко по склону, какъ ни любила я слышать веселое чириканье разныхъ птичекъ, какъ ни радовалась первому крику журавлей и гусей, возвѣщающихъ тепло, какъ ни восхищалась первымъ пѣніемъ скворца—всѣ эти прелести огаревской весны, по которой я собиралась тосковать, при воспоминаніи о ней потускнѣли... когда я, пораженная какъ бы чудомъ, увидѣла растущіе изъ-подъ тающаго снѣга голубые цвѣты съ красивыми тонкими ярко-зелеными листьями. Да вѣдь какіе! ярко-голубые, стройные! и какое ихъ было множество!.. Весь прелестный садъ дѣдушки, безъ преувеличенія, былъ какъ будто покрытъ голубыми коврами. Вскорѣ послѣ подснѣжниковъ, когда сошелъ снѣгъ, въ саду запахло такъ хорошо, какъ будто самые лучшіе духи были разлиты въ немъ—фіалки разцвѣли! Недалеко отъ дома были мѣловыя горы, и у подножья ихъ было такое множество фіалокъ, что мы приносили ихъ цѣлыми корзинами, и весь домъ наполнялся нѣжнымъ ихъ запахомъ. Въ первый разъ я поняла, что югъ можно любить болѣе сѣвера. На югѣ природа красивѣе и все—украшающее ее—лучше цвѣтетъ, лучше пахнетъ, лучше поетъ... Прилетѣли соловьи и такъ запѣли, что не ушелъ бы изъ сада! не даромъ «Курскіе соловьи» славятся, и ихъ тамъ такъ много, что легко можно было прослѣдить, какъ поетъ соловей, съ закрытыми или открытыми глазами. Они такъ увлекаются своимъ пѣніемъ, что подойдешь, бывало, близко и смотришь, какъ соловей, закрывши глаза, заливается.

Послѣ 9-го мая, отпраздновавъ дѣдушкины именины въ Богородскомъ, мы выѣхали въ Святыя Горы (Харьковской губ.) къ бабушкѣ Т. Б. Потемкиной. Май мѣсяцъ для путешествій самый пріятный; онъ рѣдко бываетъ дуренъ у насъ на сѣверѣ, а ужъ на югѣ Россіи онъ такъ хорошъ, что забыть его трудно, и нельзя безъ восторга проѣзжать

деревни и села Малороссіи: маленькія избушки, снѣжной бѣлизны, какъ будто утопаютъ въ сирени, розахъ и фруктовыхъ садахъ, въ полномъ цвѣту... И чѣмъ дальше мы подвигались къ югу, тѣмъ я болѣе восхищалась Малороссіей, жалѣя о томъ, что русскіе не имѣютъ той потребности къ чистотѣ и любви къ красивому, какъ малороссы. Первая наша остановка была въ городѣ Корочѣ. Плохенькая почтовая станція съ полусгнившей лѣсенкой и страшнымъ идоломъ у входа; потѣшный станціонный смотритель немного покрасивѣе идола; соловей въ клѣткѣ, завѣшенный зеленой занавѣской и поющій такъ-же хорошо, какъ въ саду у дѣдушки, но не дѣлающій того же отраднаго впечатлѣнія; лубочныя картины, все насъ интересовало и мы въ ожиданіи лошадей, которыхъ намъ долго не подавали, вѣроятно за неимѣніемъ, все осмотрѣли.

Въ Харьковѣ мы остановились на нѣсколько дней; тамъ, мамà повела насъ знакомить съ родными. Въ то время былъ губернаторомъ ея двоюродный братъ, графъ А. К. Сиверсъ. Онъ жилъ въ домѣ Бахметевыхъ, въ томъ домѣ, гдѣ мамà прожила свою молодость. Изъ Харькова поѣхали къ тётѣ С. Н. Герасимовой, въ Хорошевъ монастырь. Она такъ рада была нашему пріѣзду, такъ ласково приняла насъ. Оттуда мы съ тётей С. Н. поѣхали въ Водолаги къ дядѣ Ивану Николаевичу Бахметеву; у него также погостили, и тамъ Богъ помогъ мнѣ избавить мамà отъ страшнаго несчастія: потерять за-разъ двухъ дочерей, а можетъ быть и всѣхъ трехъ. Вотъ какъ это случилось: мы каждое утро ѣздили купаться; рѣка была довольно далеко отъ дома, и насъ дядя предупреждалъ, чтобъ мы не удалялись далеко отъ купальни, такъ какъ рѣчка, хотя и узкая, но очень глубокая и полна водоворотовъ. Мамà вышла ранѣе всѣхъ, горничная была съ нею, я возилась на берегу, разыскивая въ пескѣ камушки и раковины, забавлявшіе меня, несмотря на мои 14-ть лѣтъ. Таня съ Соней отплыли довольно далеко отъ меня, и я видя, что Таня впереди, и зная ея отважность, крикнула ей: «Таня, не плыви далеко, помни что̀ сказалъ дядя!» и опять занялась своими камушками... вдругъ я услышала страшный, раздирающій крикъ... Я повернула голову по направленію крика, и что же я увидѣла? Саженяхъ въ 20-ти отъ меня, Таню и Соню, борющихся съ водою... Въ мигъ я поняла, что Таня попала въ водоворотъ и тонетъ... а Соня хочетъ ее вытащить, но выбивается изъ силъ... и въ эту минуту я, кромѣ влеченія скорѣй доплыть и вытащить Таню, ничего не испытывала, даже Господь избавилъ меня отъ страха и мысли, что мы можемъ утонуть! это и спасло насъ всѣхъ. Я бросилась къ сестрамъ на помощь!.. приплыла къ Танѣ, которая то шла подъ воду, то выскакивала, издавая страшные гортанные звуки, схватила ее подъ мышку и, видя ея порывъ, обхватить меня за шею, имѣла еще присутствіе духа закричать ей: «Не трогай меня!» и такимъ образомъ, повернувъ къ бе-

регу, втащила ее въ камыши, гдѣ она лишилась чувствъ... Я еще чувствовала себя сильной и хотѣла броситься къ Сонѣ, но увидѣвъ, что къ ней приплыла горничная на помощь, осталась, и тутъ только поняла, чему мы всѣ подвергались, и моментально, мнѣ какъ будто кто подкосилъ ноги, я не могла держаться на нихъ и опустилась въ камыши, гдѣ лежала Таня, которая приходила въ себя. Соня присоединилась къ намъ, тоже испуганная и блѣдная, и мы всѣ побрели на встрѣчу къ мамà...

Я не буду описывать Святыя Горы, лѣтнюю резиденцію бабушки Т. Б. Потемкиной, куда мы поѣхали изъ Водолагъ, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ я опять вернусь туда, взрослой дѣвицей, когда воспоминанія мои о Святыхъ Горахъ дороже мнѣ и полнѣй, когда я уже могла цѣнить и любить горячо ту, которая воздвигла вновь монастырь на Святыхъ Горахъ и построила на нихъ не одинъ храмъ Божій!

Бабушка Потемкина предложила мамà провести лѣто въ ея маленькомъ имѣніи, Макатихѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ Славянска и въ 14-ти отъ Святыхъ Горъ. Мамà, конечно, приняла это предложеніе, и мы поселились въ Макатихѣ на лѣто; каждое утро большой компаніей ѣздили купаться въ Славянскія соленыя озера (у насъ гостили Бахметевы, двѣ племянницы и племянникъ мамà, дѣти — брата ея Николая, круглыя сироты). Весело и дружно проводили мы время: по субботамъ ѣздили всѣ въ Святыя Горы, гдѣ насъ встрѣчала дорогая, добрая наша бабушка, Татьяна Борисовна; она такъ любила молодежь, такъ привѣтливо, такъ ласково смотрѣла на насъ, что и наши молодыя сердца не могли не отозваться на ея ласки, и мы всѣ полюбили ее. Захлопотали сдѣлать ей сюрпризъ, когда ожидали ея пріѣзда въ Макатиху. Николай Бахметевъ сдѣлалъ великолѣпный транспарантъ, фонарики дли иллюминаціи, а мы шили костюмы для живыхъ картинъ, которыя большею частью были библейскаго содержанія. Впрочемъ, была одна картина романическая и которая очень понравилась бабушкѣ—это Paul et Virginie, идущіе подъ листомъ; Paul—была я, а Virginie—Соня Бахметева подходящая подъ этотъ типъ. Нашъ сюрпризъ удался какъ нельзя лучше и самое для насъ пріятное было то, что обрадовалъ и утѣшилъ нашу добрую бабушку, которая всѣмъ разсказывала, какъ ее молодежь встрѣчала и праздновала ея пріѣздъ въ Макатиху.

Между тѣмъ отецъ вернулся изъ-за границы. Его ждали въ Святыя Горы. Сердца, любившія его, волновались и ожидали свиданія. Меня онъ пожелалъ видѣть первую, и мамà отправила меня къ бабушкѣ Т. Б. Потемкиной.

Когда я увидѣла этого могучаго великана, плачущимъ такъ горько, какъ онъ плакалъ, я поняла, какой адъ былъ въ его душѣ. Сколько было въ этихъ слезахъ жалости о потерянномъ, сколько раскаянья и сколько

нѣжности ко мнѣ! Когда мы успокоились отъ перваго избытка чувствъ, я взглянула на бабушку — она, этотъ ангелъ доброты, не менѣе насъ страдала... и я въ эту минуту особенно сильно ее полюбила.

На другой день пріѣхали сестры. За обѣдней, въ домовой церкви, отецъ горячо молился, и когда запѣли «Тебѣ поемъ», онъ склонился на одно колѣно и горько заплакалъ, простоявъ такъ во время всей молитвы, нагнувши голову на руку. Мнѣ такъ врѣзалась въ память горячая молитва отца, что я всегда, когда слышу «Тебѣ поемъ», вижу его, и невольно душа моя располагается къ молитвѣ.

На возвратномъ пути изъ Малороссіи въ Огарево, маму ожидало новое испытаніе и горе: разлука съ своими дѣвочками и отчасти недобровольная! Но она, привыкшая покоряться разнымъ невзгодамъ жизни, покорилась и тутъ, и рѣшилась, по совѣтамъ родныхъ отца, помѣстить сестеръ въ институтъ; меня она оставила при себѣ, такъ какъ не въ силахъ была остаться одна въ Огаревѣ, которое она не могла покинуть, не имѣя кому поручить хозяйство—тогда эмансипація отняла возможность у благоразумныхъ помѣщиковъ покидать имѣнія на произволъ судьбы. Больше всѣхъ, бабушка, княгиня Голицына, возставала противъ домашняго образованія, какъ недающаго диплома, который необходимъ бываетъ въ жизни. Мамà, сознавая справедливость этихъ словъ, для блага дѣтей, рѣшилась пожертвовать своимъ душевнымъ спокойствіемъ и помѣстила Соню и Таню въ Тамбовскій институтъ, гдѣ была начальницей ея другъ, Е. Д. Тимофѣева, рожденная Краунъ, умная, образованная, хорошая и сердечная женщина, и ей она поручила своихъ дѣвочекъ. Итакъ, наше Огаревское гнѣздышко начало разстраиваться!..

Мы съ мамà грустныя возвращались домой, оставляя за собою двухъ дорогихъ институточекъ въ длинныхъ камлотовыхъ платьяхъ и бѣленькихъ фартучкахъ.

Былъ октябрь мѣсяцъ. Холодный вѣтеръ врывался къ намъ въ карету и завывалъ грустную, осеннюю пѣснь... Не радостно было ѣхать домой, не всѣ возвращались вмѣстѣ, какъ выѣхали! Дорога становилась все хуже и хуже, тучи ходили такія черныя и низкія, что можно было ждать снѣга, и мама тревожилась, что придется бросить карету. Подъѣзжая къ Спасску, пошелъ хлопьями снѣгъ, землю такъ сковало, что карета наша прыгала съ кочки на кочку, и ямщики, не жалѣя ни ее, ни наши бока, погоняли лошадей. Вдругъ мы почувствовали, что какъ будто что-то оторвалось отъ кареты и услышали крикъ горничныхъ, которыя сидѣли сзади въ колясочкѣ, а ямщикъ, не замѣтивъ никакой перемѣны, продолжалъ скакать. Я высунулась въ окно, и что же увидѣла? На дорогѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, валялась колясочка, а изъ нея виднѣлись ноги нашихъ двухъ горничныхъ! Остановили ямщи-

ка, лакей побѣжалъ вытаскивать упавшихъ и, къ счастью, привелъ ихъ невредимыми. Посадили ихъ въ карету и поѣхали. Зима настоящимъ образомъ начинала входить въ свои права, все было покрыто снѣгомъ, и наша карета принимала все болѣе и болѣе печальный видъ. Правда, она была древнихъ лѣтъ и морозъ безъ жалости такъ ее пристукнулъ, что дверцы разъѣхались, пришлось ихъ связывать веревками и колеса еле-еле двигались... Стало темнѣть, и ямщикъ сказалъ, что онъ и до Спасска (оставалось пять верстъ) не можетъ довезти, а что тутъ есть предводитель въ первомъ селѣ, у котораго можно попросить возокъ или сани. Мама̀ велѣла ѣхать къ нему. Подъѣхавъ къ крыльцу, человѣкъ побѣжалъ просить ночлега для пріѣзжей княгини Голицыной.

Гостепріимный хозяинъ самъ выбѣжалъ на крыльцо принимать насъ, но какъ мы ни порывались выйти скорѣй изъ кареты — невозможно было. Веревки распутали, а дверцы не открывались — такъ онѣ примерзли, что потребовался топоръ, съ помощью котораго мы, наконецъ, могли вылѣзть изъ нашей злосчастной кареты. Только русскій помѣщикъ способенъ незнакомыхъ ему людей обогрѣть, накормить, съ такимъ радушіемъ принять, какъ мы были приняты въ семействѣ г-на Бедряги. На другой день насъ снабдили возкомъ, и мы продолжали свой путь и благополучно доѣхали до Огарева.

Можно себѣ представить, какъ въ Огаревѣ было грустно и пусто безъ сестеръ, какъ мама̀ тосковала и безпокоилась о нихъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидались извѣстія изъ института. Но городъ былъ отъ насъ далеко, почта ходила медленно, желѣзныхъ дорогъ не было, такъ что все это прибавляло безпокойство любящему сердцу матери. Изъ института вѣсти были не особенно утѣшительныя. Таня, бывши очень слабаго здоровья, постоянно была чѣмъ-нибудь больна и это была главная причина, по которой мама̀, черезъ три мѣсяца по вступленіи сестеръ въ институтъ, рѣшила взять ихъ назадъ. Свои мученья, безпокойства, тоску она перенесла бы, ей этому не учиться было, но рисковать отнять послѣднее здоровье у дочери изъ-за удовольствія, что она получила бы дипломъ, мама̀ не рѣшилась, и съ вѣрой и съ убѣжденіемъ, что Господь не оставитъ ее и поможетъ ей окончить воспитаніе и образованіе дочерей дома, она, отслуживъ напутствующій молебенъ, отправила за сестрами Аграфену Ивановну, и онѣ пріѣхали къ праздник Рождества Христова, внося къ намъ радость и веселіе. Мы опять зажили нашей мирной огаревской жизнью, охраняемыя заботливостью нашей матери и ея молитвами. Мама́ всегда боялась мужскаго элемента для огаревскаго женскаго монастыря и почти съ такимъ же страхомъ встрѣчала каждаго вновь появляющагося мужчину, какъ встрѣтила разъ становаго Несмѣлаго, поэтому она избѣгала учителей, но пришло все-таки время, когда слѣдовало распространить программу нашихъ

*

занятій, и мама́ пригласила для насъ учителя—старичка съ семействомъ, состоящимъ изъ жены, дочери (карлицы) и сына. Дѣтство уходило... Мы серьезно стали сознавать необходимость знанія, стали съ интересомъ учиться, чему очень способствовалъ нашъ учитель, Илья Ивановичъ Трепте. Онъ былъ человѣкъ очень образованный, относящійся съ любовью и пылкостью юноши ко всѣмъ предметамъ преподаваемымъ имъ. Соня совсѣмъ сдѣлалась серьезной барышней, рѣдко принимала участье въ нашихъ играхъ и сидѣла гдѣ-нибудь въ уголкѣ, съ сочиненіями любимаго своего въ то время поэта—Некрасова.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, Новый годъ мы поѣхали встрѣчать въ Новгородскую губернію, въ село Оброчное, къ двоюродному брату матери: Александру Яковлевичу Потемкину [1]), который обѣщалъ своимъ племянницамъ и сосѣдямъ балъ съ оркестромъ, выписаннымъ изъ Нижняго. Тогда въ деревняхъ всѣмъ помѣщикамъ жилось лучше, чѣмъ теперь, а у Потемкина бывало веселѣй, чѣмъ у кого-либо, такъ какъ хозяинъ дома не только любилъ веселить молодежь, но и самъ не отставалъ отъ нея. Несмотря на свою полноту и большой ростъ онъ былъ граціозенъ, легокъ и танцовалъ артистично; любилъ также доказать молодежи, что не умѣютъ они такъ танцовать, какъ танцовали въ его время. Да и правда — съ нимъ невозможно было состязаться: трудный танецъ «матлотъ» онъ исполнялъ не хуже любаго балетмейстера.

Вообще дядя Потемкинъ былъ человѣкъ съ большимъ вкусомъ и интересовался всѣмъ: была у него прекрасная библіотека, былъ онъ хорошій хозяинъ, а ужъ садоводъ какихъ трудно найти и эта отрасль въ Оброчномъ въ особенности процвѣтала. Онъ не только былъ любитель-садоводъ, но и знатокъ; у него были рѣдкія оранжереи и садъ фруктовый; 25 садовниковъ, кромѣ главнаго нѣмца, ухаживали за чудными его оранжереями. Когда съѣзжались къ нему гости, онъ съ гордостью водилъ ихъ туда и было на что полюбоваться. На балахъ въ Оброчномъ барышни украшались его цвѣтами, но не всѣ, а лишь только избранныя, такъ какъ онъ каждымъ цвѣткомъ дорожилъ, какъ брильянтомъ.

Итакъ, къ новому 1865 году, всѣ мы собрались у Потемкиныхъ, куда съѣхались и всѣ сосѣди дальніе и ближніе и готовились къ балу. Такъ какъ въ деревнѣ никогда Рождественскіе праздники не проходили безъ костюмированія, то мы захватили съ собой изъ Огарева разные костюмы, и я взяла свой синій сарафанъ.

---

[1]) А. Я. Потемкинъ былъ женатъ на графинѣ Варварѣ Александровнѣ Толстой, очень умной и достойной женщинѣ; онъ былъ сынъ героя Отечественной войны—Якова Алексѣевича Потемкина, а мать его была Варвара Димитріевна Бахметева.

Я съ дѣтства любила до страсти русскую пляску, но въ большомъ обществѣ никогда не плясала. Во время самаго разгара бала, подъ Новый годъ, кто-то изъ моихъ друзей, кажется Ольга Философова, подала мысль заставить меня проплясать «русскую». Оркестръ заигралъ трепака! Когда я услышала любимые, родные звуки, исполняемые у насъ, въ Огаревѣ, гармоніей, или фортепіано, а тутъ оркестромъ— душа у меня загорѣлась, духъ захватило, а ноги сами заходили! Уговаривать меня плясать, конечно, не надо было! Я сняла свой бальный туалетъ, сбросила съ головы цвѣты, заплела свои волосы въ косу, надѣла сарафанъ, кокошникъ съ фатой—и не шла, а летѣла въ залъ, подъ звуки родной моей пляски!..

Нашелся кавалеръ, такой же любитель плясать какъ я, высокій, статный блондинъ Н. Н. Панютинъ, стрѣлокъ его величества, и мы, взявшись за руки, начали съ плавной, граціозной «русской», а кончили подъ удалую «ахъ! Настасья!..»

Не даромъ каждая нація имѣетъ свою родную пляску, которую изучить нельзя, если нѣтъ врожденной къ ней страсти. Пляшущіе вдохновляются народными звуками... въ каждомъ незаученномъ ихъ движеніи виденъ характеръ націи. Возьмите «тарантеллу», пляску южную, горячую, какъ сами итальянцы; возьмите вальсъ: методичный, акуратный и сентиментальный, какъ нѣмецъ; а «мазурка», элегантная, бьющая на эффектъ—характерная черта поляковъ, для дамъ же «мазурка» — это обширное поле для граціи и кокетства, въ чемъ и отличаются польки. Наша русская пляска сначала плавная, граціозная, спокойная, какъ и нашъ братъ—спокоенъ и мягокъ, пока не расшевелятъ его «ретивое»; такъ и въ русской народной пляскѣ, звуки «трепака» пробуждаютъ удаль.

Меня никто не училъ плясать, но я была настоящая «русская дѣвушка», выросшая въ русской деревнѣ, и когда бывало слышала я пѣсню «Шла дѣвица за водой, за холодной ключевой», то невольно руки мои поднимались надъ головой и хотѣлось плавно, какъ лебеди плывутъ по водѣ, неслышно выступать, не касаясь почти пола... Когда же такая музыка переходила на «трепакъ», или «барыню»— вскинешь, бывало, плечами, посмотришь на своего кавалера... и пойдешь плясать такъ, что никого и ничего уже не видишь, отдаваясь всей душой роднымъ звукамъ!.. только сердце заставляло бросать пляску—такъ сильно оно билось! Но тогда, на балѣ въ Оброчномъ, другіе звуки пробудили меня: шумъ апплодисментовъ и крики: «браво! браво!» ...Что-то новое, неиспытанное доселѣ:—«успѣхъ», закружилъ мнѣ голову, и я, чтобы не упасть, подала руку своему кавалеру, и пройдя съ нимъ, лицомъ къ публики, всю залу на каблукахъ (такъ кончала я всегда свой «трепакъ») мы отвѣсили всѣмъ низкій, русскій поклонъ, за что получили еще апплодисменты и «браво!»

Всѣ обступили меня съ просьбою еще проплясать, и дядя, не любившій отставать отъ молодежи, предложилъ быть моимъ кавалеромъ. Ольга Ф—ва, фрейлина императрицы Маріи Александровны, подошла ко мнѣ и сказала: «ты такъ хорошо пляшешь, что можешь плясать и передъ самимъ государемъ—надо это когда-нибудь устроить!..» Мама, услышавъ это, испуганно сказала: «Chère Olga! pourquoi lui montez-vous la tête?!» [1]).

Такъ встрѣтила я Новый годъ въ сарафанѣ, окруженная кавалерами, которые по очереди считали «своей обязанностью» дѣлать комплименты пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ, и прощалась я—не сознавая тогда этого, съ своимъ счастливымъ, дорогимъ дѣтствомъ, съ своими чистыми, свѣтлыми думами, безхитростными забавами и мечтами!.. Неумолимое время уноситъ все за собой—такъ оно уносило и наше дѣтство...

Воспоминанія мои о дѣтствѣ, юности, молодости такъ тѣсно связаны съ дорогимъ братомъ Евгеніемъ, что я, прощаясь съ дѣтствомъ, съ любовью удѣляю страничку въ моихъ воспоминаніяхъ для доброй памяти о немъ. Да, онъ былъ для насъ и братомъ, и другомъ, и отцомъ—онъ жилъ нашей жизнью: онъ радовался, когда мы были веселы, и былъ печаленъ, когда мы плакали!.. заботы, мечты его были о насъ и для насъ.

Для матери онъ былъ самымъ нѣжнымъ, преданнымъ сыномъ, и она въ немъ «души не чаяла». Всѣ домашніе также любили «молодаго князя»; отношенія его къ прислугѣ и живущимъ въ домѣ матери были самыя сердечныя и симпатичныя—безъ ласковаго слова или шутки онъ никогда не проходилъ мимо кого-либо. Довѣрчивый, любящій и снисходительный, онъ часто сталкивался въ жизни съ людьми, которые пользовались его довѣріемъ, добротой и обманывали его; но эти печальные уроки не уничтожали въ немъ любви къ людямъ и желанія имъ добра—онъ прощалъ, не помнилъ зла и продолжалъ вѣрить въ добро и людей! О немъ говорили, что «онъ въ отъявленныхъ, скверныхъ людяхъ умѣлъ находить тайникъ свѣжести и хорошія стороны». Вслѣдствіе спартанскаго воспитанія, даннаго ему отцомъ, въ немъ выработалась, съ ранняго дѣтства, отважная, сильная натура, любящая сильныя ощущенія; страха для него не существовало и онъ любилъ преодолѣвать опасности: такъ у отца нашего, въ Салтыкахъ, была организована пожарная команда, въ которой братъ, бывши еще мальчикомъ, принималъ дѣятельное участіе, а когда бывало, впослѣдствіи, взрослымъ человѣкомъ, онъ слышалъ набатъ или видѣлъ зарево — то не могъ оставаться безучастнымъ и летѣлъ на мѣсто пожара тушить и спасать людей отъ огня! Не разъ приходилось ему спасать и тонув-

[1]) „Дорогая Ольга! зачѣмъ вы ей кружите голову?!"

шихъ. Физически онъ былъ закаленъ, но нравственно—былъ мягокъ и чувствителенъ. Морская служба была ему по-душѣ и когда, по семейнымъ обстоятельствамъ, онъ долженъ былъ оставлять ее на время, то тосковалъ по морю и товарищамъ. Въ то время, когда братъ воспитывался въ Морскомъ корпусѣ, директоромъ былъ Воинъ Андреевичъ Римскій-Корсаковъ, котораго онъ любилъ и глубоко уважалъ. Это былъ примѣрной честности и справедливости человѣкъ. Корпусъ подъ его надзоромъ выпускалъ молодежь хорошо воспитанную, съ хорошими задатками и правилами. Воспитателемъ брата былъ Алексѣй Николаевичъ Епанчинъ, впослѣдствіи директоръ Морскаго корпуса, котораго онъ также любилъ и уважалъ. Не мудрено, что, вручая дѣтей хорошему начальству, родители получали любящихъ сыновей, вѣрующихъ въ Бога, честныхъ юношей, готовыхъ служить отечеству вѣрой и правдой.

Когда братъ вышелъ изъ гардемариновъ въ мичманы, мать хотѣла прибавить ему содержаніе и вмѣсто трехъ сотъ рублей назначила пять сотъ, но онъ отъ этого отказался, сказавъ, что ему «совѣстно получать больше своихъ друзей-товарищей, людей небогатыхъ» и просилъ эти деньги употребить для сестеръ. Когда отецъ отдалъ намъ свое состояніе, братъ отказался въ пользу насъ отъ своей части. Безкорыстный, правдивый, добродушный онъ былъ любимъ всѣми, кто хорошо его зналъ; но въ большомъ обществѣ, гдѣ его мало знали, онъ терялся, такъ какъ былъ застѣнчивъ и разсѣянъ; въ тѣсномъ же кругу былъ остроуменъ и забавенъ.

Остроуміе и любовь пошутить и пошалить онъ унаслѣдовалъ отъ отца; талантовъ же отцовскимъ онъ не наслѣдовалъ, но страстно любилъ музыку, которая трогала его иногда до слезъ. Онъ интересовался развитіемъ въ насъ талантовъ и поощрялъ ихъ, заботясь о томъ, чтобы ничего намъ не доставало для изученія музыки. На мой голосъ онъ возлагалъ большія надежды и съ любовью отца слушалъ меня; а когда, послѣ спѣтаго мною его любимаго романса, онъ подходилъ поцѣловать меня, я видѣла въ глазахъ его слезы... Вотъ очеркъ его наружности и характера, который я нашла въ старой тетради его друга дѣтства, Катеньки Ѳеодоровой, и который вѣрно рисуетъ его молодые годы:

«Высокъ ростомъ, имѣлъ черты правильныя и красивыя; видъ мужественный и скромный вмѣстѣ. Въ обществѣ казался онъ даже нѣсколько угрюмъ, смотрѣлъ задумчиво и разсѣянно и рѣдко кому улыбался; за то улыбка его была пріятна, какъ отъ скупаго дорогой подарокъ; только въ пріятельскомъ кругу скупой дѣлался расточителемъ. Незнакомые почитали его холоднымъ и мрачнымъ,—онъ весь былъ любовь и чувство. Былъ чрезвычайно вспыльчивъ и нетерпѣливъ, его необычайная сила разсудка, коими одарила его природа, останавливала его въ предѣлахъ умѣренности. Это вѣчная борьба съ самимъ собою, въ которой почти

всегда оставался побѣдителемъ, проявлялась и въ рѣчи его,—онъ заикался. Когда же касался важнаго предмета, то говорилъ плавно, чисто, безостановочно, та же чистота была въ душѣ, въ слогѣ и даже въ почеркѣ пера».

Братъ мой десятилѣтнимъ мальчикомъ былъ свидѣтелемъ Крымской кампаніи [1]), а черезъ 23 года самъ былъ участникомъ въ послѣдней турецкой войнѣ. 11-го іюля 1877 г. на «Вестѣ» видѣлъ смерть въ двухъ шагахъ отъ себя, защищая собою или, вѣрнѣе сказать, служа щитомъ капитану Баранову. Онъ зналъ, что храбрый командиръ «Весты» Барановъ въ минуту опасности былъ сила могучая, двигающая и воодушевляющая героевъ, и оберегалъ его жизнь, жертвуя своею для спасенія «Весты» и ея команды [2]).

Когда была объявлена война 1877 г., братъ не служилъ во флотѣ и пошелъ добровольцемъ. Мать его благословила идти на войну, находя, что мѣсто ея сына было тамъ, гдѣ сражались за христіанъ его товарищи!.. И она, эта мать-героиня, провожая единственнаго, горячо любимаго сына, была спокойна, не проронивъ даже слезинки, полагаясь на милосердіе Бога!.. Она поддавала бодрость духа и товарищамъ его; ѣхали съ нимъ: капитанъ Барановъ, братья Перелешены, Кротковъ и другіе; кто-то изъ нихъ сказалъ ей:

— Если бы всѣ матери и жены провожали насъ такъ спокойно и героично, какъ вы, княгиня, провожаете вашего сына, то намъ легче было бы идти на войну и умирать!..

Надежда и упованіе на Бога оправдались и молитвы матери услышаны были Имъ. Вотъ письмо ея сына послѣ сраженія 11-го іюля 1877 года:

Николаевъ, пароходъ „Веста", 28-го іюля 1877 г.

«Спасибо вамъ, милая дорогая мамаша, за ваше доброе, хорошее письмо. Богу угодно было меня сохранить какимъ-то чудомъ: вездѣ, гдѣ я былъ и кругомъ меня были смерть и гибель, а я остался почти невредимъ. Я контуженъ въ обѣ ноги, но такъ легко, что объ этомъ не стоитъ и говорить. Изъ тѣхъ товарищей, которые съ нами вмѣстѣ ѣхали, не осталось уже ни одного, кромѣ командира и меня. Старшій Перелешинъ контуженъ въ голову и оставилъ пароходъ; братъ его, милый, симпатичный человѣкъ, смертельно раненый въ ногу, на другой день

---

[1]) Гл. VI, ст. 174; см. „Русскую Старину", апрѣль 1897 г.

[2]) „Долгъ мой, доносилъ Барановъ, 12-го іюля 1877 г., заставляетъ меня упомянуть о самоотверженіи князя Голицына-Головкина; замѣтя, что мостикъ въ особенности осыпается снарядами и что нѣкоторые изъ непріятельскихъ снарядовъ покрыли уже кровью весь мостикъ, деблиндированный мною отъ коекъ, въ виду прикрышки ими машины, Голицынъ подъ всякими предлогами старался заслонить меня, желая мнѣ служить щитомъ".

сраженія умеръ послѣ ужасной, мучительной операціи; ему отняли ногу почти у самаго паха. Кротковъ, сильно контуженный въ голову, кромѣ того получилъ безчисленное число ранъ. Сюртукъ его избитъ, какъ рѣшето. Кротковъ также насъ оставилъ. Командиръ получилъ три контузіи.

«Трусовъ у насъ не было, но были герои, на которыхъ можно было молиться, такъ они были великолѣпны, столько было въ нихъ спокойной, сознательной отваги. Въ теченіе двухъ часовъ мы считали гибель свою неизбѣжною и, несмотря на это, ни одинъ человѣкъ не упалъ духомъ и исполнялъ свои обязанности, въ самомъ дѣлѣ, какъ на ученьи. Вашъ сынъ былъ не послѣднимъ—про него сказали, что онъ «съумѣлъ шиковать своею храбростью». Когда кончилось сраженіе, длившееся почти шесть часовъ, нервы и горечь потерь взяли свое: я зарыдалъ, какъ ребенокъ!

«Я всегда понималъ и понимаю важность значенія моей жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ нашего разоренія, вслѣдствіе котораго я былъ подъ гнетомъ тяжкихъ незаслуженныхъ нареканій — не могу не радоваться, что Богу угодно было дать мнѣ случай показать свою храбрость и сдѣлать ее извѣстной всей Россіи. Служебныя дѣла мои пошли необыкновенно быстро и хорошо. Въ одинъ мѣсяцъ я получилъ чинъ, Владимірскій крестъ съ бантомъ и мечами, пожизненную пенсію, и настолько себя зарекомендовалъ, какъ морской офицеръ, что уже назначенъ старшимъ офицеромъ «Весты».

«Скажу вамъ по правдѣ, дорогая мамаша, что намѣренъ я быть теперь осторожнѣе и не собираюсь слишкомъ подставлять своего лба. Такая счастливая удача и такой благополучный исходъ, вѣроятно, не повторятся, а я надѣюсь быть полезнымъ и близкимъ дорогимъ людямъ и, можетъ быть, Россіи. Вы помните, дорогая мамаша, какъ часто мнѣ удавалось завоевывать симпатію, здѣсь же это превосходитъ все прежнее и меня положительно носятъ на рукахъ. Если останусь живъ, служба моя послѣ войны пойдетъ совсѣмъ хорошо. Цѣлую ваши ручки. Вашъ сынъ Евгеній».

Черезъ 10 лѣтъ послѣ славнаго боя «Весты», а именно 10-го іюля 1887 года, братъ мой былъ въ Севастополѣ, куда нарочно поѣхалъ, чтобы поклониться въ этотъ достопамятный день могиламъ своихъ убитыхъ товарищей и помолиться за нихъ; какъ мнѣ помнится, онъ тамъ былъ одинъ—никого не было изъ его товарищей. 2-го сентября того же года его самого не стало!!.. Онъ скончался въ своемъ маіоратномъ имѣніи Полтавской губ., мѣстечкѣ Константиновѣ, на 43-мъ году. Его преждевременная кончина тяжелымъ, непрогляднымъ горемъ отразилась на всей нашей семьѣ!.. Такого сына и брата терять было не легко!

(Продолженіе слѣдуетъ).